

«Тот май подарил миру мир»

Сергей ДРИГО

СОРОК ПЕРВЫЙ

Мы рядом шли, когда металл
Прижал к земле всю роту
снова.

- За мной! - он крикнул. И упал
На высоту в огне багровом.
И все отчаянье тех дней
Увидел я в глазах солдата -
Как будто в том, что враг
сильней,
Был лишь один и виноват он.

ЗАТИШЬЕ

Вторые сутки тишина.
Молчат окопы,
Дремлют дали...
Уже колеблется война:
Враг выдохся,
А мы - устали.

Александра БУРОВА

В сорок третьем девушек
призвали -

В военкомат с повестками
пришли,

У знамени присягу принимали
И на защиту Родины пошли.
В трофейном батальоне
все служили,

Ни стужи не боялись, ни жары,
А раньше все колхозницами
были -

Работы не боялись и войны.
И на полях снаряды собирали
И подрывали "тигры" на пути,
Металл весь на заводы
отправляли,
Скорее чтобы в Пруссию войти.
Подружки все приказы
выполняли -

А это было в Пруссии зимой,
- Конца войны все трое ожидали
Да возвращенья скорого домой.
Но вот один снаряд
у них взорвался,
И положил он девушек троих.
Теперь они лежат
в одной могиле,
Однополчане навещают их.

Шел месяц май. В городке
оглушительно пахло сиренью. С
утренней свежестью ее запах
вплывал в комнату через приот-
крытую форточку, заполняя все
вокруг покоем и умиротворенно-
стью.

Встав с постели, Мефодий
Павлович подошел к окну. День
обещал быть погожим.

Когда солнце встало довольно
высоко, он, одетый празднично,
вышел из дома. Мефодий Пав-
лович был невысокого роста, су-
хощавый, с простым незапоми-
нающимся лицом пожилого че-
ловека.

В канун Дня Победы в район-
ной первичке общества слепых,
где он был группиргом и куда
сейчас спешил, по обычаю со-
бирались ветераны.

Война, как и для многих, не
прошла бесследно мимо его се-
мьи. Старшая сестра, военврач,
погибла при бомбежке санитар-
ного эшелона в самом начале
войны. Он с младшей сестрой и
матерью, оказавшись на времен-
но оккупированной территории,
стал партизанским разведчиком.
После освобождения Мефодий
Павлович на фронт по малолет-
ству не попал, но День Победы
считал праздником своим, закон-
ным.

С каждым годом на встречу
приходило все меньше и мень-
ше ветеранов.

Вот и сегодня в клубе их со-
бралось человек пятнадцать. И
хотя некоторых уже награды пе-
реवेशивали - все держались
молодцами. Посмотришь - в чем
дух держится? А может, тем
духом и жили? И сейчас каза-
лось, расправляя плечи, распря-
млялись ветераны, разглаживались
морщинки, и проступали черты
далекого былого. Это был их
праздник, которым они по праву
гордились.

Присев за праздничный стол,
фронтовики выпили за Победу,
за жизнь и погибших друзей,
оставшихся навсегда в их памя-
ти молодцами. И словно не было
для этого фронтового братства

Всеволод ОСТЕН

К ВОПРОСУ О СЛАВЕ

Бой идет не ради славы -
Ради жизни на Земле!
А.Твардовский

Слава - дело такое...

Солдату славы не надо -
была бы, как говорится,
лишь голова цела,
да здоровье покрепче,
да верный товарищ рядом,
да каша погорячее,
желательно из котла.
Еще - письмецо треугольником,
что полевая почта
доставила нынче утром,
да три обоймы в запас
и беспощадно жестокий,
но короткий и точный,
отданный именем Родины
командира приказ.
Солдаты славою не бредят
в атаках, на переправах.
Война для солдата - работа,
будничные дела.
Мы шагали к победе.
Мы не искали славы.
Она торопилась за нами,
она сама нас нашла.

Петр ЖУКОВ

ФРОНТОВИКАМ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Фронтовики меня просили:
- Скажи, поэт, о нас в стихах,
Как мы врагов свинцом косили,
Как пал поверженный рейхстаг.
Скажи, что мы готовы снова
Встать на переднем рубеже...
Ну где ж найти такое слово,
Чтобы пришлось вам по душе?
Ведь не был я войны участник,
Не довелось в огне бывать.
Я вам от сердца в этот праздник
Могу лишь только пожелать,
Чтоб ордена всегда носили
На боевой груди своей -
И пусть глядит на вас Россия
Глазами ваших сыновей.
А лучше бы ко Дню Победы
Навечно высечь на скале:
- Спасибо вам, отцы и деды,
За жизнь и счастье на Земле!

Ваня ВОЛКОВ

9 Мая далекого года день Славы
настал, наступил.
В те времена наша Русь
ликовала,
Храбрых солдат на руках
поднимала...

Но были и те, кто грустил.
Родные погибших, убитых
войной

Никак не могли с этим горем
смириться,
Скорбившие не уставали
молиться,
Чтоб их сыновья возвращались
домой.

Зачем же фашисты напали
на Русь?
Чтоб Гитлер мог властью своей
насладиться,

Чтоб кровью солдат смог
вдоволь напиться,
Посеяв лишь боль, страх
и грусть?

Сколько же мам потеряли детей,
О счастье, покое навечно
забыли!

Мечты и надежды похоронили
Сколько из русских, немецких
людей!

Мы выжили, мало того -
победили, -

Не зря себя наши бойцы
не щадили,
Не зря за врагом неустанно
свелили,

В атаки, рискуя собою, ходили.
Под крики "Ура!" в бой
бросались солдаты -

От их правой силы бежали
фашисты,
Ослабнув от дел и от мыслей
нечистых...

Патронов нет - в ход шли штыки
и лопаты.

Несколько лет война мир
терзала,
Но знали: настанет ей, злобной,
конец...

Цвело над Берлином алое
Знамя -
Символ Победы и Славы венец.

ПУШКИ БИЛИ ПО ГОРОДУ

Игорь ЕРОФЕЕВ
Наши пушки по городу били
Из леса прямой наводкой,
Калеча дома чужие -
Кто их тогда жалел?
Город охал и выл от страха
Перекошенной болью
глоткой,
И в огне становился меньше,
И на наших глазах старел

...Город ежился в черном теле -
Перебили хребты мостам, -
Самолеты искали цели
По церковным его крестам,
Раскаленная черепица
Градом сыпалась на солдат...
Ждет Победы Москва-столица -
Не дождался ее комбат.
Не дождался ее пехоте,
Что стремилась на Ильменхорст...
И кому ж умирать охота
Здесь, от дома за тыщу верст?
А солдаты, сводивши счеты,
Город сбрасывали с земли.
Наши две штурмовые роты
Больше сделали, чем могли.
Мы спасались за спины-стены,
Сбились улицы в очаги, -
Только городу все едино,
Для него все бойцы - враги.
И остался в бою он крайним
И сворачивался в клубок,
И саднил обожженным камнем
Старой ратуши рваный бок.
Брошен город в глубокой коме,
Весь покрытый пеплом Помпей, -
Потонув в артиллерии громе,
Оказался в плену Цейфей.
Здесь остались убиты реки
С немецкой еще водой,
Здесь остались на поле "зэки"
Из штрафного с передовой.
Здесь убили сады и скверы,
Выжгли лики в святых местах,
Здесь осталась распятой вера
В обособленного Христа.
Здесь в дыму потерялись тени
От деревьев и фонарей,
Здесь остались в домах ступени,
Только нет в них уже дверей...
Только городом он остался -
Искоруженным, но живым.
Как бы там он ни назывался -
Стал для тех и других своим.
А когда-то он был красивым
И крещеным не раз огнем.
Пусть родился он не в России,
Но она родилась в нем.
Только здесь ей, широкой, тесно:
Кирхи - вверх, а Россия - ширь,
Ей всегда не хватает места,
Ей такое бы, как Сибирь...
Но вместились в немецком теле,
Приспособившись под гранит,
Бог, живущий на самом деле,
Город наш до сих пор хранит.

Александр ГАХОВ

НАГРАДА

тех опальных лет, когда по зло-
намеренности или недомыслию
пытались вытравить саму память
о них. Вперемежку со вздохами
гармошки и совместным пением
вспоминалось пережитое былое.
Мефодию Павловичу было инте-
ресно слушать непринхотливые
рассказы этих бывалых, повидав-
ших виды людей, о подвигах ко-
торых красноречивее рассказы-
вали их награды. У него боевых
наград не было. Были знаки и
медали за трудовую доблесть,
поэтому со своими воспомина-
ниями на первый план и не лез -
больше молчал. Да и что вспо-
минать? Как в холодные зимы
жили со скотиной в сарае или о
том, как за пяток картофеля,
брошенных пленным, затравил
бы его эсэсовец-командант ов-
чаркой, если бы не вестовой
Курт? Немцы тоже всякие были.

Сейчас плохо представляют
себе жестокость этой войны. Если
немцы вешали, расстреливали и
сжигали в домах, то и наши гу-
манитарно не страдали.
И сейчас, слушая фронтови-
ков, Мефодий Павлович убеждал-
ся в этом.

- Я, Пальч, врать не буду. Сам
в штыковую не ходил, - довери-
тельно звякнув медалями, нахло-
нулся к нему еще крепкий ста-
рик, бывший артиллерист Михай-
лов, - но хлебнул и повидал вся-
кого.

Михайлов помолчал, по-стари-
ковски шевеля губами, и подсле-
повато взглянул через толстые
линзы очков.

- Помню, стояли под Ленинг-
радом. Зима. Мороз страшный -
дерево раскалывало. И вот слы-
шим - за перелеском гул танко-
вых моторов. Думаем, началось.
И действительно - минут через
десять на линию огня выкатыва-
ют два странных танка. Не пой-

мем - наши ли, немцы? Необыч-
ный цвет у машин - какой-то
вишневым. Замерли, ждем: пусть
поближе подойдут. Танки оста-
новились. Смотрим - от одной
из машин человек бежит. Наши
оказались. В засаде стояли. Там
дорога такая, - махнув рукой,
пояснил Михайлов, - по бокам
незамерзшее болото. Вот они
на этой дороге засаду и сдела-
ли. А когда по дороге пошла ко-
лонна немецкой пехоты, они ее
и потрелили.

- А почему цвет-то у танков
был вишневым? - пытаясь уточ-
нить детали, спросил Мефодий
Павлович.

- Хм, - задержал артиллерист
на нем свой взгляд, - они ведь
немцев гусеницами давили, кровь
на броне-то и замерзла.

- Да-а, задумчиво протянул
Мефодий Павлович, - страшно:
кровь-то - она у всех красная.

- У всех, - согласившись, кивнул
Михайлов. - А где тогда было не
страшно? У вас, что ли? Ты где
воевал?

- Я не воевал, я партизанил.
- Гм, - поглядел на него быв-
ший артиллерист и, проявляя
свою односторонность, уточнил: - Это,
выходит, ты вражеские эшелоны
под откос пускал?

- Под откос пускали подрыв-
ники - я в разведке был.

- Да ты, оказывается, у нас
геройский парень, - заметил
Михайлов.

- Да как сказать... Я ведь тог-
да пацаном был, - смутился Ме-
фодий Павлович.

От дальнейших расспросов
спасла гармошка, загрузившая
"Эх, дороги". Перед его глазами
поплыли воспоминания.

Память у одиннадцатилетнего
паренька была цепкой. Через
полгода после того, как его село
заняли оккупанты, он уже сво-
бодно общался с немецкими сол-
датами на их языке. Что слы-
шал, передавал партизанам. О
ценности добываемой информа-
ции было трудно судить. Только
раз связанной передал ему благо-
дарности командира партизан-
ского отряда за предупреждение
о готовящейся немцами кара-
тельной акции. И еще добавил,
что хотят его представить к на-
граде.

Но позже не только награды,
но даже справки о том, что он
являлся участником партизанско-
го движения, Мефодий Павлович
не получил. Связной, знавший
его, попал в засаду, погиб.
Партизанский отряд растворил-
ся в волнах фронтов, влившись
в регулярную армию. К сложив-
шемуся положению дел Мефо-
дий Павлович относился спокой-
но, понимал - в то время были
дела поважнее. А то, что не на-
градил, - так что с того? Награ-
да - понятие относительное. Да
и разве возможно по справед-
ливости наградить всех?

И все же где-то в глубине
души тлеет глупое чувство обой-
денности, да иногда ловил себя
на мысли, что это всего лишь
старческая прихоть - потешить
свое самолюбие: мол, был не
хуже других.

Под настроение, года полтора
назад, написал неторопливое
письмо в военный архив. Хотел
узнать судьбу командира парти-
занского отряда - человека, ко-
торый, как и погибший связанной,
знал о его существовании. При-
кинув, сколько тому сейчас мо-
жет быть лет, на встречу особо
не надеялся, да и погибнуть мог
тот, освобождая всякие там Бу-

дапешты и Варшавы. В общем,
написал, как Ванька Жуков, - "на
деревню дедушке", больше для
снятия с души этойкой патины не-
удовлетворенности.

Отослал письмо, и кануло оно,
как в омут - ни ответа ни приве-
та. Горечи от этого не испыты-
вал, свыклась с мыслью, что ни
к чему ворошить прошлое. Вре-
мена настали - о живых не по-
мянут. Да и самому до запове-
данного срока не так уж много
осталось небо коптить.

Весной погода обманчива.
Вроде бы и тепло, но в тени
нет-нет да потянет промозглой
сыростью. После праздников
слег Мефодий Павлович с тем-
пературой: "сквозануло где-то".
А много ему надо?

Через пару дней после того,
как он слег, позвонили из воен-
комата, просили посетить для
решения какого-то вопроса. А в
таком состоянии куда ему пути
ломать?

Через некоторое время Ме-
фодия Павловича навещил во-
енком - плотный, лысоватый
подполковник с родниковой на
подбородке. Поздравил с про-
шедшим праздником, сказал, что
на военкомат пришли докумен-
ты из архива, и, расстегнув па-
пку, достал небольшую коробоч-
ку, в которой лежала партизан-
ская медаль.

После отъезда военкома Ме-
фодий Павлович положил медаль
перед собой и долго смотрел на
нее. Он и сам не мог объяс-
нить, что испытывал в эти ми-
нуты.

Чувства спокойствия и умирот-
ворения, овладевшие им, уни-
сили его в то далекое и суровое
время, когда он был молодым.

Человек живет надеждой.
Под вечер, когда жена прика-
лывала награду на выходной ко-
стюм, он представлял, как встре-
тит следующий праздник Побе-
ды...

Дорогие ветераны!
Вас сердечно поздравля-
ют с праздником Побе-
ды, желают здоровья,
благополучия Черняхов-
ское литературное
объединение "Рассвет"
и Литературная регио-
нальная ассоциация.

Сегодня в рубрике, вам
посвященной, мы публи-
куем произведения и
тех, кто принадлежит
к вашему поколению -
писателей-фронтови-
ков, и тех, чье детство
осенила темным кры-
лом война, и тех, кто
войны не видал, но ост-
ро ощущает значи-
мость событий военных
лет, чувствует боль
своей страны и благода-
рен людям, отстояв-
шим Отечество, защи-
тившим будущее.

Кратки и емки воен-
ные стихи Сергея Дри-
го. Вместе с 16-й гвар-
дейской стрелковой ди-
визией прошел он боевой
путь от Москвы до Бал-
тики, участвовал в Во-
сточно-Прусской опера-
ции. Стихи С.Дриго пе-
чатались в армейских и
областных газетах, в
журнале "Советский
воин". Его перу принадле-
жат поэмы "Звезды
не гаснут" (1960),
"Кровь отцов" (1961),
"Чувство земли"
(1962), "Я остаюсь
романтиком" (1963), кни-
га стихов "Добра вам,
люди" (1965) и другие.
Сергей Васильевич Дри-
го известен не только
как поэт и журналист
(кстати, его статьи,
посвященные И.Д.Чер-
няховскому, публиковались
и на страницах
нашей районной газеты
"Коммунист"), но и как
автор документальных
книг "Иван Данилович
Черняховский" (1964),
"За подвигом - подвиг. О
Героях Советского Со-
юза - участниках боев в
Восточной Пруссии"
(1977, 1984).

Всеволод Остен - быв-
ший узник фашистского
лагеря смерти Маутхау-
зуна, сотрудник газет
"Коммунист" в 50-е
годы, автор повестей и
рассказов о горьком опы-
те войны, получивших
отклики таких писате-
лей и критиков, как
В.Кондратьев, А.Возне-
сенский, В.Белов, В.Бы-
ков, И.Золотусский,
А.Латынина. На стра-
ницах газеты мы посвя-
тим ему отдельный
очерк, а сейчас пред-
ставляем читателям
его стихотворения.

Война изменила ори-
ентиры и приоритеты,
"перераспределила обя-
занности". "Женский"
делом вдруг оказалось
подрывать вражеские
танки и снаряды, что и
выпало на долю ефрей-
тора трофейного бата-
льона Шуры Максимо-
вой. Годы спустя Алек-
сандра Петровна Бу-
рова (Максимова), наша
землячка (она живет в
Маевке), написала о
"своей" войне в стихах.

Кажется удивитель-
ным, что к событиям
далеких лет, помимо
непосредственных участ-
ников, обращаются не
только не видевшие вой-
ны зрелые люди, но и
дети, причем отнюдь не
по чьему-то заданию,
а по стремлению своего
сердца. Но это значит,
что память о войне и
Победе будет жить.

Ведущие рубрики
Игорь ЕРОФЕЕВ и
Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА.